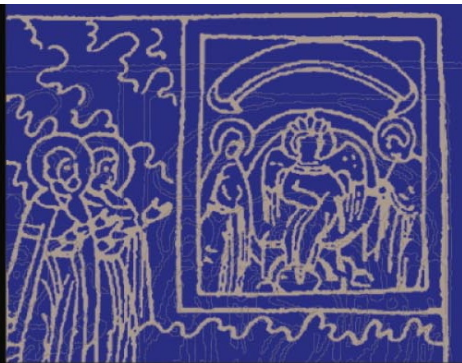

Эрик
Кристиансен

СЕВЕРНЫЕ КРЕСТОВЫЕ

ПОХОДЫ

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА
ЗА КАТОЛИЧЕСКУЮ
ВОСТОЧНУЮ
ПРИБАЛТИКУ

1100—1525

Эрик Кристиансен+

**Северные крестовые походы.
Священная война за католическую
Восточную Прибалтику. 1100–1525**

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1980, 1997

УДК 94(4)"375/1492"
ББК 63.3(0)

Кристиансен+ Э.

Северные крестовые походы. Священная война за католическую
Восточную Прибалтику. 1100–1525 / Э. Кристиансен+ — ООО
«ГЕРМЕС БУКС», 1980, 1997

ISBN 978-5-9524-6746-0

В исследовании британского историка-медиевиста Эрика Кристиансена рассказывается о малоизвестной части общей истории крестоносцев — о Северных крестовых походах, направленных на распространение христианства на северо-востоке Европы и оказавшихся успешными. Вдохновляемые призывом папы священные войны велись на берегах Балтийского моря в XII—XVI веках и сыграли немаловажную роль в преобразовании северных стран. Став связующим звеном между севером и Западной Европой, эти крестовые походы помогли распространению средневековой цивилизации. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)"375/1492"

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-9524-6746-0

© Кристиансен+ Э., 1980, 1997
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1980, 1997

Содержание

Введение	6
Глава 1	10
Суша и море	11
Народы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эрик Кристиансен
Северные крестовые походы.
Священная война за католическую
Восточную Прибалтику. 1100—1525

Copyright © Eric Christiansen, 1980, 1997

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Введение

Крестовые походы в Святую землю хорошо известны – по крайней мере, о них многие слышали. Крестовые походы против альбигойской ереси и против мусульман Испании знакомы студентам, которые занимаются историей Средних веков. Но крестовые походы в Северо-Восточной Европе остаются неизвестными большинству читателей, и их вспоминают в лучшем случае по фильму С.М. Эйзенштейна «Александр Невский». Говорят, сам режиссер выбрал эту тему потому, что о ней было известно так мало, что едва ли факты могли противоречить его вымыслу.

Настоящая книга – попытка описать борьбу, которая разгорелась на берегах Балтийского моря в XII–XVI веках во имя христианства, и одновременно объяснить роль, которую сыграли крестовые походы в преобразовании северных стран. Места для большего не остается. Ссылки на общую историю Балтийского региона приводятся лишь в том случае, если она непосредственно связана с крестовыми походами; тем, кто захочет подробнее узнать о взлете и падении скандинавских королевств, восточноевропейских княжеств, Ганзейского союза, о торговле рыбой, немецкой колонизации Востока, развитии городов, церквей и судоходства, придется искать сведения в других источниках.

Отправной точкой может служить конец эпохи викингов, когда скандинавские правители очутились отрезанными от дальних заморских завоеваний прошлого; одновременно в «домашних водах» им бросали вызов окрепшие славянские народы. Перед тем как рассказывать о Северных крестовых походах, мы приводим общий обзор состояния региона на начало XII века. Особое внимание уделено тем областям и периодам, которые больше всего связаны с крестовыми походами, начиная с Юго-Западной Балтики в 1147 году, когда папа римский впервые санкционировал «священную войну» против язычников Севера, и заканчивая границей с Русью примерно в 1505 году, когда из Рима пришла самая последняя булла о Северном крестовом походе. В указанный период земли, захваченные крестоносцами, изменились почти до неузнаваемости – это касается и населения, и языка, и культуры, и экономики, и системы правления. Утверждать, что тамошних жителей «цивилизировали» или «обратили в католичество», не совсем точно; и все же эти термины отражают случившееся, поскольку включают наступление главных компонентов средневековой культуры из их колыбелей во Франции, Италии и Рейнской области, а также развитие торговли и рост благосостояния, благодаря ввезенным навыкам. Подробное описание процесса требует исследования совсем другого рода. Сосредоточенность даже на одной ограниченной теме Северных крестовых походов не позволяет сказать многое из того, что следовало сказать. Прошу прощения за пробелы и надеюсь, что даже в самых неясных местах читатель поймет: так было задумано.

Автор напоминает себе жонглера, который должен подбрасывать и ловить одновременно три «мяча»: рассказывать о самих крестовых походах, давать обзор идеологического развития и вкратце обрисовывать политическую историю. О крестовых походах можно писать по-разному. Например, можно рассматривать их в свете движения цистерцианцев, укрепления папской власти, миссионерской работы монахов нищенствующих орденов, наступления монгольских орд, возвышения Литвы и Москвы, а также церковных соборов XV века. Непросто кратко затрагивать столь важные и крупные темы и увязывать их с Европейским Севером; читатель вполне может задаться вопросом: стоила ли игра свеч? Есть несколько причин ответить: «Да, стоила».

Во-первых, Северные крестовые походы являются частью общей истории крестоносцев, и если уж изучать ее, то лучше целиком – в том числе освещать самые неожиданные места и самые разные формы. «Священные войны» на Средиземноморье породили многочисленные волнующие завоевания и долгоживущие навязчивые идеи, но в результате оказались напрасной

тратой времени, денег и жизней. Через 200 лет сражений, колонизации, строительства империи, миссионерской работы и экономического развития Святая земля оказалась потерянной для христианского мира. Сарацины победили. Две религии остались неодолимо противоположными, и если культуры и смешивались, то не потому, что христиане пытались завоевать Ближний Восток; у них имелись и другие точки соприкосновения, более длительные и менее взрывные.

Северные крестовые походы были не такими зрелищными и гораздо менее затратными, но перемены, которые они с собой принесли, выдержали проверку временем и так и не забыты. Южное побережье Балтийского моря до Одера по-прежнему принадлежит Германии; прошло не так много лет с тех пор, как эстонцы, латыши и литовцы утратили последние следы немецкого влияния. Западные формы христианства сохраняются во всех прибрежных областях Балтики напротив Скандинавии. Финны также сохранили связь с западной ветвью христианства и терпимо относятся к шведскоязычному меньшинству. «Скелет» немецкой Восточной Пруссии еще просвечивает в той части провинции, которая после 1945 года отошла к Польше. На протяжении семи веков эти восточнобалтийские страны были колониальными обществами. Их средневековые завоеватели оставили после себя глубокие отметины, несмотря на многочисленные изменения, вызванные тем, что указанные земли много раз переходили из рук в руки. Если крестовые походы и оставили по себе четкий след, то именно в Северной Европе, а также в Испании.

Во-вторых, Северные крестовые походы служили связующим звеном между Севером и Западной Европой, они помогали продвижению на север общей средневековой цивилизации. Крестовые походы – не единственное, но прочное звено, на которое трудно не обращать внимания. На незнакомой, зачастую враждебной территории возникали новые католические общины. Как управлять ими, защищать и развивать их? Вот с какими проблемами приходилось сталкиваться на всех рубежах Европы как в Средние века, так и позже, и интерес здесь не просто местнический. На Балтике появились крупные централизованные учреждения и институты – церкви, поместья, замки, города, феодальные своды законов, церковное право, гильдии и органы местного самоуправления. Им приходилось приспосабливаться к холодному, темному и негостеприимному внешнему миру, развиваться в нем или отмирать. В отличие от Земли обетованной, изобилующих победами Палестины или Испании, на побережье Балтийского моря победы давались с трудом, как и приобщение местных жителей к новой вере. Для достижения таких целей приходилось преодолевать тяжелые препятствия. Ход завоеваний «в метрополии» и в тепличных колониальных условиях ученые сравнивают уже давно; но почти столько же можно узнать о завоеваниях, рассмотрев более суровые условия за рубежами привычного мира. Рассказ о Северных крестовых походах помогает проникнуть в суть проблемы и сделать картину средневековой культуры объемнее и ярче.

И наконец, наша история имеет гораздо более тесные связи с Англией, чем принято считать. Несмотря на норманнское завоевание и историческую вовлеченность английских королей в дела Франции, Англия никогда не была отрезана от Балтийского мира, а начиная с XIII века становилась все больше связана с регионом, благодаря торговле, политическим союзам и крестовым походам. В 1230-х годах Генрих III предоставил особую привилегию купцам с острова Готланд и назначил пенсию рыцарям Тевтонского ордена, которые отправлялись завоевывать Пруссию. В тот же период шведов, которые отправились крестить и присоединять народы Центральной Финляндии, возглавлял английский епископ. В 1329–1408 годах несколько сотен англичан состояли в Тевтонском ордене и принимали участие в крестовом походе против Литвы. В 1399 году один из них, Генрих Болингброк, стал королем Англии Генрихом IV. Ссоры и мирные договоры между английскими королями, Ганзейским союзом, отделением Тевтонского ордена в Пруссии и скандинавскими правителями возобновлялись в течение всего XV века. Начиная с 1340-х годов английские купцы, торгующие сукном, вли-

лись в ряды балтийских контрабандистов. Их привлекали такие товары, как деготь, воск, меха, зерно, большие арбалеты и строевой лес. Все происходящее в том отдаленном мире имело значение для Англии, тем более после начала Северных крестовых походов.

Вот почему история заслуживает того, чтобы рассказать ее заново. За последние 150 лет историки континентальной Европы, главным образом немцы, подробно занимались несколькими темами. Некоторые из них по-прежнему остаются недостижимыми для читателей, не владеющих немецким языком. Во многом наша книга напоминает небольшую осыпь с огромной горы немецких и скандинавских исследований, а также трудов, подготовленных в России, Польше, Финляндии и Прибалтийских республиках. Однако необходимо предупредить читателя: автор довольно редко приводит противоположные точки зрения и обобщает выводы. Разногласия свидетельствуют о том, что обсуждаемые вопросы по-прежнему являются животрепещущими, а история средневековой Балтики и окружающих ее регионов отличается особой щекотливостью.

Так происходит уже давно, потому что державы, которые господствовали в регионе в XIX веке, стремясь оправдать свою текущую политику, переписывали прошлое и отождествляли самих себя либо с крестоносцами, либо с их врагами. Во многом благодаря эрудиции историка Иоганнеса Фохта и лекциям Генриха фон Трейчке рыцарей Тевтонского ордена принято было считать предшественниками прусской монархии, Второго рейха и германской культуры в целом. «Нас потрясает, – говорил Трейчке, – глубина доктрины превосходящей ценности государства, которую провозглашали рыцари Тевтонского ордена. Их голос громче и отчетливее всех голосов, доносящихся до нас из прошлого Германии». «Заклятие поднимается с земли, пропитанной благороднейшей немецкой кровью!» – восклицает он; а тем временем враги немецкого империализма осуждают Тевтонский орден и хвалят правителей Новгорода и Польши как поборников славянской государственности. Примером может служить великий польский историк и антиквар Иоахим Лелевель, который так писал о Тевтонском ордене: «Они создали монашеское государство, ставшее оскорблением как для человечества, так и для нравственности». С развитием националистических движений в Эстонии, Латвии и Литве полемический хор стал громче; все, что происходило в далеком прошлом в этих странах, либо осуждалось как преступление против человечества, либо одобрялось как «плодотворное событие огромной важности». Модные веяния ни в коем случае не повлияли на всех историков, однако многие так старались соответствовать «духу времени», что их взгляды оказали влияние на миллионы человек. В 1914 году поражение, которое потерпел Гинденбург от русских в Восточной Пруссии, называли «Танненбергом», припоминая поражение Тевтонского ордена в 1410 году; позже Гиммлер создал СС «по лекалам» Тевтонского ордена. Прошлое манило к себе с непреодолимой силой.

По сравнению с огромной разрушительной силой современных войн средневековые войны кажутся красочными детскими играми. В 1939–1950 годах не менее 57,4 миллионов жителей региона вынуждены были покинуть свои дома или были высланы и уже не вернутся назад. Сейчас Балтийское море с политической точки зрения спокойно, как болото, но цена нынешней безмятежности – затяжная обида тех миллионов, которые были вынуждены бежать, и продолжающаяся несправедливость по отношению к миллионам оставшихся. В том климате старые раны долго не заживают и старые распри не забываются, особенно историками. Различная интерпретация конфликтов между христианством и язычеством, между католичеством и православием, между немцами, балтами и славянами по-прежнему возбуждает страсти и «обслуживает» политические цели.

Автор этой книги не может назвать себя беспристрастным. Однако надеется, что изложенная здесь довольно вялая позиция англиканской церкви выглядит не такой агрессивной, как некоторые другие. Возможно, несколько поверхностное и несистематическое изложение послужит извинением за отсутствие твердой «идеологической подкладки». Можно сказать,

что, очутившись на поле боя, где по-прежнему взрываются католические, националистические, марксистские, либеральные и социологические снаряды, автор заполз в убежище и постарался укрыться от всех. Как говаривали во время Первой мировой войны, «если знаешь убежище получше, беги туда».

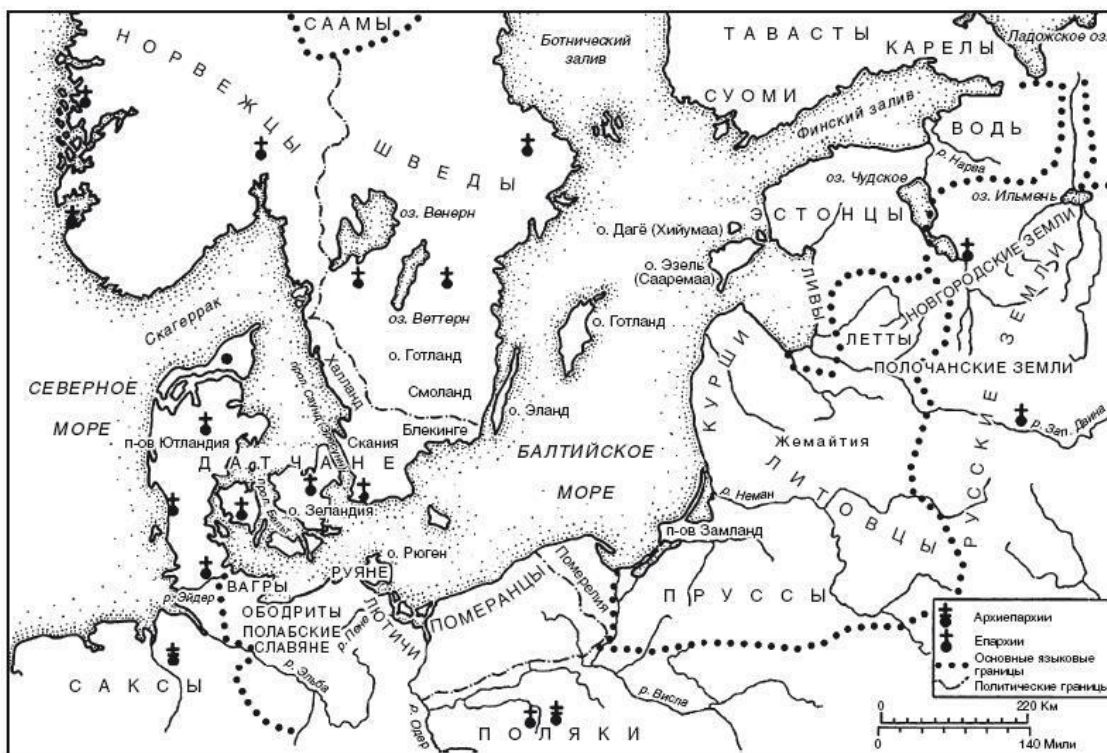
Глава 1

Северо-Восточная Европа накануне крестовых походов

Здесь заканчивается север Русской равнины. Горные хребты и плато, образующие дугу, огибают Финляндию, переходят на Скандинавский полуостров и упираются в водную преграду – Балтийское море. Именно оно придает региону его характерные черты и издавна считается главным путем его сообщения с внешним миром.

Суша и море

Балтийское море не всегда было морем. В донных осадках сохранились раковины маленького моллюска, *Ancylus fluviatilis*, или речной чашечки, которая обитает только в пресной воде. Семь тысяч лет назад во впадине Балтийского моря находилось озеро, образованное водой, стекавшей со Скандинавского и Центральноевропейского высокогорья, в честь того самого моллюска геологи назвали его Анциловым озером. Озеро окружала болотистая равнина, которая тянулась от Атлантического океана до Уральских гор, пока океан не затопил западные районы и не образовал Северное море. Воды Анцилового озера поступали в это новое море по двум руслам. На месте первого сейчас остались крупные озера в Центральной Швеции; второй образуют проливы между Датскими островами и Сканией – Малый Бельт, Большой Бельт и Эресунн (или Зунд). По этим проливам в озеро поступала соленая вода, и со временем оно превратилось в море. В Средние века его называли Балтийским – в честь Бельтских проливов.

Карта 1. Балтийский регион, 1100 г.

Но соленая вода так и не заполнила чашу целиком, благодаря большому объему речной воды, которая по-прежнему поступает с юга и востока. В Балтийское море впадают четыре крупных континентальных реки – Одер и Висла, которые текут с гор Богемии и с Карпатских гор, а также Неман и Западная Двина, которые стекают с Русской равнины. Севернее, там, где Балтийское море «раздваивается» на Ботнический и Финский заливы, соленость воды значительно снижена. Вода поступает туда с гор Фенноскандии из многочисленных более мелких рек и остается почти пресной. Поэтому Балтийское море можно назвать солоноватым полуморем, почти полностью окруженным сушей. Приливы и отливы там выражены весьма слабо; на изрезанных бухтами берегах находится край такой суровый, что в особенно холодные зимы лед, по сведениям историков, стягивал поверхность воды почти целиком. В результате регион обла-

дает несколькими характерными природными чертами, которые повлияли на развитие тамошних цивилизаций и отчасти определили их.

Во-первых, связь с океаном через Бельты смягчила климат настолько, что там стало возможно вести жизнь, которую мы зовем цивилизованной. На 60-й параллели, которая проходит примерно посередине Балтийского моря, находятся Сибирь, Якутск, Камчатка, Аляска, Гудзонов залив – края, вселяющие ужас, где до XIX века невозможно было выжить по меркам европейской (то есть средиземноморской) культуры; что бывает, когда в таких местах все же пытаются выжить, показывает печальная история норвежских колоний на Гренландии. И все же к востоку от Эресунна и Скандинавских гор жили люди, которые уже в IX веке считались признанными членами европейской семьи. Они привыкли выживать в уникальном климате, пусть и суровом по средиземноморским меркам. Благодаря близости моря они собирали урожаи, разводили скот и строили деревянные дома почти до самого Северного полярного круга.

В то же время они обитали на краю экстремально холодной области, где животные обладали особенно густым мехом, а большие участки земли были непригодны для сельского хозяйства. Жить в таких краях способны только кочевники. Если на север приходили земледельцы, им приходилось учиться выживанию в холодном климате у тамошних охотников и собирателей, которые поселились там первыми. Летом, благодаря близости к морю, попасть в те края можно было сравнительно легко. И все же новички не заходили слишком далеко – им приходилось останавливаться или менять образ жизни.

Климат определял границу. В начале Средних веков такой границей служил Ботнический залив, лежащий примерно в ста милях от побережий Северной Швеции и Северной Финляндии. К западу границу образовывал выступ из высоких гор Норвегии на берегах Северного Ледовитого океана; на востоке граница выдавалась на юго-восток, к оконечности Ладожского озера. По одну сторону границы существование человека зависело от плуга, вспаханного поля и разнотравных лугов, по другую – находилась самая северная и самая обширная область Норвегии, Финнмарк. Там главную роль играли навыки охотников, трапперов и пастухов. Выше них – или ниже, поскольку «Ботнический» означает «нижний» как для финнов, так и для шведов, – все менялось. Там не жили оседло, не собирали урожаи, не знали колеса, государств и церквей. Местные жители передвигались на оленях, а хижины свои возили с собой. Вплоть до Нового времени места их обитания не были нанесены на политические карты мира. В основном там обитали саамы (лопари); между их стойбищами зимой перемещались торговые или охотничьи отряды норвежцев, шведов и финнов. Они покупали у саамов меха, перья и детей... или грабили их. В приполярных областях южан считали настоящими «волками». Викинги хорошо знали северных кочевников, и авторы саг иногда посылали своих героев на лыжах на дальний север, где те сражались и торговали с кочевниками или другими контрабандистами, промышленными в тех краях. Впрочем, в Финнмарке они никогда не чувствовали себя дома и были убеждены, что тамошние жители – маги, которые умеют управлять погодой, менять образы и возвращать к жизни мертвецов. Средневековые авторы населяли дальний север причудливыми народами: амазонками, которые беременели оттого, что пили воду, и рожали детей мужского пола с собачьими головами, которых потом продавали на русских невольничьих рынках; белоголовыми дикарями, которых защищали громадные гончие псы; зелеными человечками, которые жили сто лет, и каннибалами. Подобные рассказы Адама Бременского о саамах бытовали в Европе с 1070-х годов вплоть до 1555 года, когда швед Олаф Магнус, церковный деятель, дипломат, писатель, историк и картограф, опубликовал в Риме свой труд «История северных народов».

Климатический рубеж стал и барьером для понимания, потому что тем, кто жил по другую его сторону, пришлось выработать собственную систему выживания. Она подразумевала организацию жизни способами, непривычными для чужаков. Небольшие группы семей, насчитывавшие до 100—150 человек, селились вместе в стойбищах или на «погостах». В поселение

входили также дороги между летними и зимними стойбищами. Оленеводство, охота с капканами, рыболовство и защита по пути регулировались советом глав семей, а границы между стойбищами определялись на общем собрании соседних групп. Соседние семьи по договоренности могли вместе охотиться и ловить рыбу, и такие совместные предприятия укрепляли связи между отдельными семейными кланами, но особой сплоченности между ними не наблюдалось. Хотя иноземцы иногда писали о саамских «князьях», «крепостях» и «армиях», саамское общество было устроено иначе.

Впрочем, на оседлые общины, жившие у границы, сильно влияла близость другого мира. Он служил источником не только прибыли, но и опасности; прибыли – благодаря торговле и прямой добыче природных ресурсов рыбаками и охотниками, которые учились своим навыкам у кочевников; опасности – из-за суровых зим, которые приводили к гибели урожая и голодной смерти, а также из-за уничтожения скота медведями, волками и более мелкими хищниками. В Новгородской первой летописи можно прочесть, как процветающий город, расположенный на границе «дикого края», снова и снова ставил на колени голод, – например, в 6636 (1128) году, когда мороз погубил урожай озимых: «Год был тяжелый; за осьмину ржи давали гривну серебром; и ели люди липовые листья, березовую кору, опилки, смешанные с корой и соломой; некоторые ели лютики, мох, конину; и так многие умерли от голода, и их трупы лежали на улицах, на рыночной площади, на дорогах и всюду. Нанимали наемников, чтобы выносить трупы из города... Плач и страдания у всех. Отцы и матери отдавали детей купцам или убивали их; другие же уходили в чужие земли».

Так же трудно пришлось в 1230 году, когда, как сообщалось, из населения, не превышавшего пять тысяч человек, 3030 умерли от голода; и хроникер сообщает, как «одни... люди убивали живых и ели их; другие срезали с трупов мясо и ели его; третьи ели конину, собак и кошек; с теми, кого уличали в таких злодеяниях, поступали так: кого-то сжигали на костре, кого-то разрубали на куски, а кого-то вешали. Многие питались мхом, улитками, сосновой и липовой корой, листьями липы и вяза и всем, что могли найти... И не было среди нас доброты, а были страдания и несчастья; на улицах совершались злодеяния по отношению друг к другу, главы семей тревожились, видя, как дети плачут, прося хлеба, и умирают... Покупали же хлеб за 8 кун¹, а кад² ржи по 20 гривен».

В 1413–1414 годах странствующий бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа обнаружил, что «зимой на рынке Новгорода Великого нет продуктов – ни рыбы, ни свинины, ни баранины и ни дичи, потому что все мертво и замерзло».

Такие же тяготы переносили жители всех северных стран: из-за сурового климата тамошние народы постоянно существовали на грани вымирания. С другой стороны, остальная Европа не пренебрегала этим регионом, опять-таки благодаря морю.

Пять крупных рек, впадающих в Балтийское море, служили важными торговыми путями, по которым можно было попасть на север с юга и востока. В Средние века и болотистые Саксония, Бранденбург, Мейссен и Лужица, и польские княжества, и силезские герцогства, и богемский край Моравия были связаны с Балтийским морем через Одру (Одер). Контакты были нередкими. Для саксонских князей северный край был местом экспансии и союзов. Еще в 1147 году маркграф Бранденбурга пытался захватить Штеттин³, а в 1190-х годах совершал набеги на окружающие его территории. В 1158 году герцог Саксонии Генрих Лев основал колонию в Любеке и с помощью брачных союзов своих детей породнился с королем Дании; маркграф Мейссенский в 1152 году выдал свою дочь замуж за короля Дании. Епископ Моравии в 1147

¹ Кун (коун) – денежная единица Древней Руси. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иначе.)

² Кад (кадь, кадка или оков) – старинная русская мера объема. Мерой зерна была кадка, вмещавшая 14 пудов (примерно 229,32 кг) ржи.

³ Ныне польский город Щецин.

году пытался вторгнуться в Пруссию и обратить пруссов в христианство. В два последующих столетия правители Силезии регулярно принимали участие в крестовых походах. Реки представляли собой экономические артерии, и правители, завладевшие обширными приречными территориями, неуклонно богатели. Чем больше правитель конкурировал за власть над притоками той или иной реки, тем больше его интересовали дела тех, кто жил за ее устьем.

Польские правители издавна получали доход с Вислы. Уже Болеслав I Храбрый на рубеже IX—X веков стремился захватить дельту, и это стремление осталось важнейшим направлением политики всех его более активных преемников, хотя центр их власти находился в Кракове, в нескольких сотнях миль выше по течению. Висла «кормила» также русское Волынское княжество и степняков, в 1241 году она даже привлекла армию монголов в леса Пруссии.

На Немане жили восточнославянские племена кривичей и дреговичей, а также литовцы. На реке Полоте у ее впадения в Западную Двину возник Полоцк, крупное поселение кривичей. Водный же путь Ловать—Волхов—Ладожское озеро—Нева способствовал росту влияния Новгорода, которое распространялось до Урала. Речное сообщение на Руси играло огромную роль: грузовые перевозки значительно расширяли «район человеческого охвата» Балтийского моря: по Северной Двине можно было добраться до Северного Ледовитого океана, по Днепру – до Черного моря, по Волге – до Каспийского моря. По всем этим рекам балтийские товары вывозились в другие страны, а на Русь ввозились товары, редкие на севере. И правителей, и купцов интересовало, что происходило в тех регионах, где реки заканчивались. В XII веке князь Полоцкий благодаря брачному союзу породнился с королем Датским, в 1229 году князь Смоленский заключил договор с купцами Риги и Готланда, а после возвышения Москвы в XV веке ее сухопутных правителей неудержимо потянуло к Финскому и Рижскому заливам. По свидетельству Олафа Магнуса, в 1555 году «московитский русский», наряду с немецким, считался одним из пяти самых распространенных языков субарктического мира.

Бассейны крупных рек были освоены католической и византийской цивилизациями гораздо раньше, чем побережье Балтийского моря. Особенно заметной в раннем Средневековье была разница между обществами, жившими в верхнем и нижнем их течении. Речное сообщение отражало различия. Случаи эксплуатации местного населения, завоевания и даже ассимиляции отмечались со времен неолита. Позже к ним добавились товарообмен, приток колонистов и периодические набеги. И все это стало возможным именно благодаря водным путям.

Третья важная составляющая балтийской культуры обусловлена близостью моря. Благодаря сочетанию пресной и соленой воды на Балтике создаются условия, весьма пригодные для рыболовства. Весной Балтийское море превращается в заманчивый «суп» из планктона. В мае придонные течения из Северного моря приводят с собой макрель (скупбрию); в Средние века ее сопровождали тюлени, более крупная рыба и иногда киты. «Сверху» поступает вода с голландских и германских равнин, а вместе с ней – сельдь. До XV века рыба приходила в Балтику на нерест в апреле или мае и оставалась до ноября. Самый верхний солоноватый слой воды привлекает в Балтийское море речных лососевых рыб и угрей. Все реки и озера окружающих стран когда-то изобиловали многими видами пресноводной рыбы, от окуня до щуки. Олаф Магнус посвятил рыбе целый раздел в своей книге, причем крупным рыбам была отведена отдельная глава. В течение всех Средних веков ловля и переработка рыбы, а также рыбная торговля и потребление играли все более важную роль в жизни северных народов, радикально влияя на их экономику и политику.

Рыба оказывала большое влияние на тамошнюю жизнь уже в XII веке. На мелководье вдоль всего побережья в Дании, Швеции и славянских общинах, как правило, селились рыбаки. Их хижины лепились друг к другу, окруженные столбами для сушки и запрудами для рыбы. Часть улова шла в качестве подати землевладельцу, который иногда освобождал рыбаков из рабства и разрешал переселиться на берег. Часто встречающиеся топонимы Фишгард и Фекан,

имеющие «рыбное» происхождение, доказывают, насколько широко распространенной была такая форма поселений. На Балтике, где из-за пиратства море стало особенно опасным, прибрежные рыболовецкие поселения стали почти единственной формой выживания.

Вдобавок на многих участках западного побережья Балтийского моря каждое лето вырастало множество шатров и палаток; там устраивали временные рыбные ярмарки, на которые съезжались рыбаки, рыбообработчики, купцы и приближенные короля. Самые знаменитые рыбные ярмарки находились на юго-западной оконечности Скании, в Сканере и Фальстербу; в XIII—XV веках они образовали практически независимое сообщество, для которого свойственны были свои обычаи и законы. Сообщество привлекало покупателей со всей Европы. Король Дании и архиепископ получали свою долю и позволяли рыбакам и купцам заниматься своим делом. В то время каждую весну сельдь шла на юг через пролив Эресунн такими плотными косяками, что иногда рыбу можно было просто вылавливать из воды ведром.

Другие рыболовецкие приемы изменили вид устьев реки мелких прибрежных вод. Вдоль берегов Скандинавии ставили ловушки на угрей – ряды кольев с закрепленными сетками. Кроме того, рыбаки строили специальные «сельдевые плотины» и огораживали целые участки частоколами, на которые натягивали сети или специальные «плетенки» (в Каппельне сохранился уцелевший образец). В проточной воде в устьях великой славянской реки сети и запруды (язи) стояли так часто, что в 60—70-х годах XII века корабли датских захватчиков постоянно запутывались в них, что помогало уничтожать их при приближении к берегу. На датских и шведских реках ставили V-образные ловушки на лосося.

Устройство и развитие рыбного промысла считались делом политическим. Эксплуатация водных и человеческих ресурсов сопровождалась ожесточенной конкуренцией, и здесь в игру вступали князья и землевладельцы. Уже в XII веке рыболовство на побережье, реках и озерах считалось привилегией, которую ревностно охраняли от браконьеров с помощью запретов на некоторые виды сетей. Сама рыба служила символом власти, иногда ею платили подати или церковную десятину. Жители острова Эланд на юго-востоке Швеции доказывали свою преданность королю в Уппсале, ежегодно посылая ему подарок в виде сельди. В 1170 году епископ Абсалон из Роскилле принял от славян, живших на острове Рюген, рыбину в знак благодарности за организованное им морское патрулирование, позволявшее рыбакам беспрепятственно привозить домой улов. В 1107 году, добравшись до побережья Померании, воины короля Польши так пели о своей удаче:

Если везти рыбу издалека, солона она и воняет;
Мы поймали ее свежей, и все вернулись живыми!

Внедрение новых методов рыболовства и рыбообработки, а также подъем или падение спроса на международном рынке становились вопросами жизни и смерти для северных народов – саамов, финнов, балтов. Позже промыслом заинтересовались германцы.

Последний фактор, который стоит подчеркнуть в нашем обзоре природных особенностей Европейского Севера, имеет отношение к транспорту и связи. В основном это означало судоходство.

Даже в то время по Северо-Восточной Европе можно было передвигаться сухопутным путем, но из-за немногочисленности и плохого состояния дорог путешествия были медленными и оставляли большие участки региона вне пределов досягаемости. В 70-х годах XI века Адам Бременский подсчитал, что дорога посуху от Гамбурга до Волина занимала неделю, ее протяженность составляла около 200 миль. Хотя морской путь от Ольденбурга до Новгорода был в пять раз длиннее сухопутного, путешествие, по расчетам, занимало лишь вдвое больше времени. Путешествие из Дании в Сигтуну на востоке Швеции по суше занимало примерно четыре недели; по морю – пять дней. Зимой разница могла быть и больше, и меньше в зависи-

мости от высоты снежного покрова – ведь тогда можно было срезать путь по рекам и озерам, а путешественники вполне могли захватить с собой лыжи или сани. Но зимой, как правило, в дорогу отправлялись только по необходимости, когда манила возможная прибыль от охоты или набегов. Для путешествий оставалось время с мая по октябрь – в тот период у моря имелось преимущество перед сушей.

Как только сходил лед, море становилось пригодным для судоходства. Теперь датские прибрежные воды замерзают лишь каждую третью зиму и никогда не дольше, чем на три зимних месяца. Средняя продолжительность ледостава в южнобалтийских портах варьируется от трех дней в Фленсбург-фьорде до трех недель в Штральзунде. Лед в гаванях Риги и Санкт-Петербурга держится около шести месяцев в году, в эстонских портах и Ботническом заливе – около четырех месяцев. Потом погода улучшается, с апреля до середины лета дуют ветры с востока, а с июля по сентябрь – преимущественно западные ветры. Тогда моряки видят перед собой сплошное водное пространство, которое никогда не бывает длиннее 200 миль; держать курс сравнительно несложно благодаря многочисленным островам и неглубоким якорным стоянкам.

Искусство навигации по Балтийскому морю заключалось в умении оставаться в пределах видимости берега, знании ориентиров и расположения опасных мелей. Важнее всего все же было умение определять погоду по приметам. Компасы на Балтике не использовались до XVI века, да и позже оказывались не нужны никому, кроме иностранцев: за прошедшие века в прибрежной полосе появилось множество высоких шпилей и крестов, заметных издали, с десяти миль в открытом море, а извилистые проливы были помечены бонами и стойками. Опасность представляли густые туманы, внезапно налетавшие шквалистые ветры и пираты. Однако, благодаря небольшому расстоянию до берега, первых двух опасностей на Балтике легче было избежать, чем в Северном и Средиземном морях или Ла-Манше.

Скорее всего, самыми первыми моряками, которые ходили по Балтийскому морю, были финны. Они крепили на своих обтянутых кожей каноэ березовые кусты, «ловившие» ветер. Германские народы освоили весла и парус; позже главным морским транспортным средством во всей Северной Европе стали «корабли викингов». На них перевозили как воинов, так и товары. Правитель, получавший власть над теми, кто строил такие суда и управлял ими, богател. В IX—XI веках вожди викингов стремились действовать так же и в тех регионах, где было больше богатства и мощи: на Британских островах, в Западной Европе и на берегах русских рек. К началу XII века возможности для приключений такого рода значительно сократились, но на Балтике власть и военное искусство по-прежнему шли рука об руку, и влияние правителя в большинстве случаев определялась размерами его флота. Короли данов и шведов обеспечивали себя судами, навязывая своим народам английскую систему корабельной подати. Они собирали торговый или военный флот, издав соответствующий указ и угрожая штрафами тем, кто будет уклоняться от повинности. Такая система позволяла собирать военные флотилии численностью до 250 кораблей, хотя весь военно-морской флот Дании в конце XII века состоял примерно из 860 кораблей.

Как бы то ни было, существовало много разновидностей кораблей. Все они способствовали прибыли владельцев и экипажа и по-своему влияли на развитие общества. Военные корабли подразделялись по меньшей мере на два типа. Во-первых, следует назвать большой 64-весельный драккар, судно, доведенное до совершенства норвежцами; из-за слишком большой осадки его нельзя было успешно использовать на морском или речном мелководье. Во-вторых, должно упомянуть мелкие 40-весельные шнеки датчан и шведов. Славяне также строили военные суда; они были легче и ниже, чем у скандинавов. Экипажи таких судов должны были состоять из опытных воинов. Кроме того, на борт грузили провизию для заморских вылазок и сложную строительную технику. Из этого следует, что конунги или главари пиратов, командовавшие такими флотилиями, должны были быть землевладельцами, располагать большой

свитой или дружиной и властвовать над населенными сообществами. На военных кораблях оставляли место для рабов, скота и добычи, но оно было ограниченным; кроме того, добыча ограничивала действия экипажа. Торговые суда строились по-другому – они были длинными, но широкими и глубокими в средней части, с меньшим количеством гребцов или вовсе без гребцов. Чаще всего они оснащались парусами. Как правило, за торговыми судами стояли товарищества из двух или более владельцев; они вкладывали свои средства в строительство корабля, его оснащение и закупку товаров и несли риски кораблекрушения и нападения пиратов. Судя по всему, в XII веке создатели таких товариществ начали объединяться в гильдии и компании, чтобы защищаться от враждебного мира. Островитяне Готланда, обогатившиеся благодаря торговле, объединились в компанию такого рода без участия шведского короля. Землевладельцы и купцы Зеландии в середине XII века сами защищались от пиратов, держа небольшой рейдерский флот под началом капера по фамилии Ведеман. Уязвимость при швартовке делала самопомощь необходимостью, пока верховные правители не начали брать на себя ответственность за их безопасность.

Помимо крупных кораблей, строились мелкие суда самых разных типов, которыми семьи или группы соседей пользовались для набегов, переправы, торговли, рыбной ловли или перевозок. 10—15-весельные датские скюде, килеватые суда, могли сопровождать военные корабли, перевозя лучников, идти вверх по течению реки или использоваться для небольших отдельных набегов; плоскодонные прамы у славян использовались для переправы через болота и озера, – упоминаний о них в ранних источниках нет, но вскоре нечто подобное начнут изготавливать по всей Балтике; небольшие килеватые парусные суда, которые курсировали между деревнями с местными продуктами; маневренные и быстрые хопары, ходившие по рекам, которые впадают в Ботнический залив, они скреплялись растительными корнями, ветками тополя и оленьими жилами; струги и ушкуи на русских реках; а также небольшие торговые суда, на которых перевозили товары по германской реке Пене. Суда играли важнейшую роль в жизни побережий Северо-Западной Европы, часто только с их помощью удавалось добывать средства к существованию. Изменения в технике кораблестроения и укрепление морского владычества всегда имели важные последствия.

«Морское владычество» – неверный термин, если означает гегемонию, зависящую от мощи того или иного государства на море. На средневековом севере большее значение имело количество кораблей и других судов, а также возможность любой группы – от отдельной семьи до торгового союза или короля – достичь самых разных целей благодаря владению или управлению судами нужного типа. Флот, состоявший из крупных военных кораблей, никогда не мог доминировать на всех северных водных путях, в лучшем случае такие флотилии охраняли те или иные области, маршруты и гавани. Например, датские воды патрулировали корабли Кнуда Великого и Вальдемара Великого. Впрочем, периоды ограниченной власти на море были скорее исключениями. В большинстве случаев пираты, купцы, работоторговцы, рыбаки и речные перевозчики занимались своими делами, осторожно сосуществуя друг с другом. Если подворачивался удобный случай, они сражались, пускались в погони или торговали. В 1070-х годах король Дании заключил договор с многочисленными пиратами Большого Бельта: король получал долю от грабежей и сквозь пальцы смотрел на деятельность пиратов. На рубеже XIII и XIV веков положение было не лучше: королева Дании вела открытую войну с «виталийскими братьями» – сообществом пиратов, которое базировалось на северном побережье Германии. В то же время датские, шведские и мекленбургские землевладельцы потворствовали их грабежам и охотно торговали с ними. На море не владычествовал никто, поскольку каждый управлял лишь частью морского или речного побережья.

Так в раннем Средневековье, благодаря сочетанию разных факторов – умеренно холодного моря и непроходимых прилегающих территорий, состоявших из лесов, болот и гор, сочетания теплого лета и суровой зимы, кочевников и земледельцев, сформировались особенности

Балтийского и северо-восточного региона, которые отличают их от других областей. Жившие там люди трудились, питались, сражались и даже думали сходным образом. Их среда обитания была до некоторой степени отделена от внешнего мира природными барьерами, хотя, несмотря на резкую климатическую границу, те, кто знал правила, умели незаметно появляться и исчезать. Южнее, западнее и восточнее доступ был более открытым, хотя и там имелись трудности, которые дополнительно усугублялись местными жителями, не желавшими впускать к себе чужаков.

Так, прибрежные районы Северогерманской низменности находились в удалении от больших рек, которые протекали по ней, зато были испещрены небольшими речками, впадавшими в море с сырых бесплодных плато – Мекленбургских болот, Мазурских озер и болот Передней или Ближней Померании. Вот как датский хронист Саксон Грамматик описывает попытку датчан пробраться через «широкие, полные препятствий и грязные болота» к северу от Деммина в 1171 году: «Его [болота] поверхность покрывал тонкий слой почвы, и, хотя этот слой выдерживал траву, он был таким мягким, что засасывал тех, кто ступал туда. Проваливаясь в ил, они уходили в грязные бездонные глубины... Чтобы облегчить себе путь и избежать усталости, всадники спешили, снимали доспехи и шли впереди лошадей. Если лошади увязали слишком глубоко, люди вытаскивали их, а если проваливались люди, ведущие лошадей, они хватались за лошадиные гривы... Небольшие извилистые ручьи, которые во множестве текли на болотах, они пересекали на сплетенных из камышей плотках... Когда же лошадей вытаскивали из трясины, в которую они проваливались, они иногда топтали копытами людей, которые их вели. Сам король снял с себя все, кроме нательной рубахи; его несли на плечах два рыцаря. Им чудом удалось избежать топкой трясины. Редко выпадало на долю датской отваги такое испытание!»

Южнее этих болот и бесплодного высокогорья Дальней Померании идет полоса песчаных лесов и пустошей, также изобилующая озерами и непроходимыми болотами. Полоса эта тянется от Северного моря до Вислы; вплоть до Нового времени там не занимались земледелием. Миссионер Оттон Бамбергский пересекал ее на пути к побережью в 1124 и 1127 годах. В первом случае, когда они шли из Познани в Пыжице, его ученик Херборд заявлял: «Дорога так же трудна для описания, как и для прохождения. Ни одному смертному до недавнего времени не удавалось пройти через тот лес... Герцог [Польши] приказал помечать тропу для себя и своей армии, обрубая ветви и ставя зарубки на деревьях. Мы держались этих меток, но у нас дорога через лес заняла добрых шесть дней, да еще пришлось отдохнуть на берегу реки, которая образует границу Померании, и путь был очень тяжел из-за разных змей, огромных диких зверей и надоедливых цапель, которые гнездились в ветвях деревьев и досаждали нам своими криками и хлопаньем крыльев, а также из-за заболоченных участков, по которым невозможно было передвигаться фургонам и телегам».

Они прошли около 90 миль за шесть дней; а в 1127 году Оттон за пять дней преодолел 35 миль между Хафельбергом и озером Мюриц. Неудивительно, что большинство путешественников держались берегов рек или плыли на лодке.

То был славянский край, и его восточная граница, по крайней мере в IX – первой половине XII века, определялась так называемым Саксонским рубежом, перегороженной укрепленной лесополосой шириной около 60 миль между Кильской бухтой и Лауэнбургом на Эльбе. Слабые места от набегов охраняли жители ближайших деревень. Хотя купцы и армии могли преодолеть этот рубеж, пока он служил политической границей, он никогда не считался безопасным.

Западнее, если двигаться по суше, имелся старинный путь, ведущий из Саксонии на север через всю Ютландию до системы проливов Лим-фьорд, соединяющей Северное море с проливом Каттегат. Его называли «военным» или «бычьим путем»; время от времени по этому пути приходили захватчики с юга, которые стремились завоевать северные страны. Однако в VIII

веке там начали сооружать земляной вал, который тянулся на запад от Шлезвига. Вал защищал от вторжений; дорога сужалась и шла по полосе сухой земли. После того как в 1157 году Генрих Лев во главе армии саксов проскакал по этому пути с набегом, король Дании Вальдемар начал удлинять и укреплять этот оборонительный рубеж мощной кирпичной стеной, и к концу века его сыновья обеспечили полный контроль над дорогами, которые к нему вели, вплоть до Гамбурга и Любека.

Западные морские пути – проливы Скагеррак, Каттегат, Бельты и Зунд – невозможно было «запечатать» даже с помощью крепостей в Ньюборге, Спроге и Копенгагене, построенных при Вальдемаре, но в раннем Средневековье суровое Северное море и коварные песчаные отмели северного побережья Ютландии по-прежнему отпугивали большинство английских, фламандских и французских моряков. Они предпочитали бросать якорь в Рибе, на западном побережье Ютландии, или разгружаться в Холлингштедте на Айдере. Более смелые норвежские моряки давно ходили по Балтийскому морю; но короли Дании успешно отражали набеги на Датские острова, которые обогатили столько норвежцев во времена викингов; судя по всему, в XII веке датчанам сопутствовал успех. Восточнее препятствие создавали главным образом густые леса, покрывавшие огромную область между Вислой и Финским заливом. Викинги в свое время проникали в те края, но им приходилось идти на веслах вверх по течению рек; и даже тогда «восточный поход» (*Austrveg*, как они его называли) считался предприятием тяжелым и рискованным; на него отваживались только самые богатые, храбрые и отчаянные. В XI—XII веках русские города время от времени посылали армии в обратном направлении, но они никогда не доходили до побережья на юге Финляндии и не нападали на поселения восточных славян дальше Пскова, Полоцка и Минска.

Таким образом, сама природа создала препятствия, мешавшие незванным гостям проникать в этот регион. Препятствия не были непреодолимыми; но для того, чтобы преодолеть их, требовались тяжелый труд и хорошая организация. В начале XII века никаким иноземным захватчикам или поселенцам не удавалось постоянно или надолго закрепиться внутри этих границ.

Прежде чем писать о том, как изменилось положение, необходимо пристальнее взглянуть на народы, населявшие регион.

Народы

В начале XII века народы Северо-Восточной Европы с точки зрения языка условно подразделялись на четыре основные группы: норвежцы, говорившие на норвежском языке, славяне, балты и финно-угры. Первые три группы языков принадлежат к индоевропейской языковой семье, чего нельзя сказать о финно-угорских языках. Кроме того, в указанные четыре группы не включены саамы (лопари), жившие за пределами постоянных поселений. Народы, входившие в указанные группы, объединялись не только благодаря общности языка. Каждой группе были свойственны определенные отличительные черты с точки зрения деления на классы, виды деятельности, управления, религии, питания и одежды. Вполне логичный принцип классификации. Далее придется идти по следам первого великого северного географа Адама Бременского, каноника и главы церковной школы при кафедральном Бременском соборе. В 1070-х годах он написал свой монументальный труд «Деяния архиепископов Гамбургской церкви», большую часть сведений для которого добыл из первых рук, в том числе узнал от короля Дании Свена II Эстридсена.

В первую группу (называемую скандинавской) входили шведы, гёты и даны. Они говорили на языках, обычно объединяемых в группу восточных диалектов древнескандинавского языка; в ту же группу входили норвежцы, говорившие на западном диалекте древнескандинавского языка. В те дни норвежцы обитали на побережьях нынешней Норвегии вплоть до Лофотенских островов на севере; южнее они жили по берегам пролива Каттегат вплоть до того места, где сейчас находится Гётеборг. Норвежцы активно проникали на Балтику. Кроме того, они попадали в Лапландию как по суше, переходя горы, так и по морю с запада. Впрочем, основная часть населения жила вдали от внутреннего моря, на атлантической стороне разделяющего центральную Скандинавию горного хребта, который норвежцы и шведы называют «килем». В тот период норвежцев больше интересовали Британские и Фарерские острова, Исландия и Гренландия, чем Северо-Восток. События следующих трех столетий все больше отвращали их от Запада и заставляли обращать все большее внимание на политику данов, германцев и шведов, но это было позже. Шведы и гёты, которые веками объединялись в содружество, наоборот, смотрели в основном на Восток; до XIII века у них не было западной береговой линии, только порт Гамла-Лёдесе в устье реки Гёта-Эльв, и их береговая линия по другую сторону начиналась в окрестностях Кальмара и доходила на севере до самого Ботнического залива.

Во внутренней части страны шведы селились плотнее всего в районе современного Стокгольма и озера Меларен; гёты – в районе двух больших озер, Веттерн и Венерн. Южнее находился гористый и лесистый регион, который назывался Смоланд; там поселения встречались гораздо реже, а национальная принадлежность их обитателей зачастую была неясной. Кроме того, их поселения имелись в прибрежном округе под названием Блекинге, над которым определенную власть со времен Старого Кнуда, как называли Кнуда Великого, имели короли Дании. За ними шли датчане, жители Сконы и Халланда, населявшие плодородные прибрежные долины нынешней юго-западной Швеции, отличавшиеся умеренным климатом; даны жили также на островах, в том числе на Зеландии, и на полуострове Ютландия до Айдера и Кильской бухты.

В основном датчане и шведы были крестьянами; они селились небольшими сельскими общинами, выращивали зерновые – главным образом ячмень, иногда пшеницу, овес и рожь – и держали крупный рогатый скот, свиней и пони. Способы хозяйствования различались, но в целом ресурсы деревни распределялись примерно так же, как в Южной Англии того периода: пахотная земля нарезалась на наделы, которые каждый год распределялись по жребию; пастбища расчищали сообща и огораживали или не огораживали в зависимости от времени года. Все обязаны были соблюдать границы и местные обычаи. За пределами общин обитали «погра-

ничные жители», которые жили тем, что давали лес, морское побережье и горы. «Пограничные жители» занимались охотой, рыболовством и добычей полезных ископаемых. Кроме них, следует отметить и горожан-бюргеров, ремесленников, торговцев и владельцев постоянных дворов. Они селились в городках и портах. Все указанные группы составляли работающее население.

Процветание жителей Дании производило впечатление на иностранных наблюдателей, например на Адама Бременского: он отмечал изобилие зерна, скота, лошадей и масла. Тамошних жителей он называет людьми высокими, красивыми, пусть иногда неотесанными и пьющими. Однако средневековые авторы склонны судить о процветании народа по уровню и стилю потребления правящего класса, их оценки можно корректировать, соотнося их с другими стандартами. Судя по археологическим раскопкам, проводимым в средневековых датских деревнях, среди тамошних жителей почти не было толстяков. Деревни довольно часто находились на грани голода из-за трех самых больших угроз того времени – неурожая, больших семей и жадных помещиков. Крестьяне в большой степени были людьми подневольными – рабами, крепостными, которые не могли уйти от хозяев, либо бедняками, которые батрачили на помещиков.

Иногда деревня и ее обитатели принадлежали одному человеку, иногда земля и ее ресурсы – разным владельцам. Как бы там ни было, речь шла о землевладении, крупном или мелком. Во всех плодородных областях Дании и Швеции деревни огораживались частоколами, за ними наблюдали с высоких стен замка, в котором жил землевладелец или его управляющий. Они присваивали большую часть из того, что собирали несвободные жители. Еще какую-то часть (как правило, десятину) забирала церковь. В других местах свободные жители деревни оставляли себе большую долю общей земли, которую обрабатывали их немногие рабы или нанятые работники. В лесах, особенно в Швеции, жили немногочисленные сообщества вольных крестьян, которые обрабатывали землю, но также носили меч или копье в знак благородного происхождения. Как правило, там, где жили свободные люди, имелись также и рабы. Несмотря на большую разницу в благосостоянии между бедными и богатыми свободными людьми – например, между владельцем половины надела и владельцем 500 наделов, как можно обнаружить в Дании XII века, – их объединял статус: они были свободными людьми и назывались *bondaer*, то есть «жителями, обитателями». Их предки воевали, пиратствовали, торговали... и, возможно, хорошо обрабатывали землю.

Большинство датских и шведских поселений в той или иной степени подчинялось двум влиятельным династиям, королевским родам, которые представляли народ и правили им, а также скопили значительное богатство. Предки обеих семей были выскочками, которые присвоили себе королевские традиции, восходившие к V–VI векам, – Кнудлинги в Дании и Уппсала в Швеции. Однако, несмотря на высокое положение королей, для большинства практических целей у тамошних жителей существовало самоуправление – если не в военное, то хотя бы в мирное время. Каждой административной единицей (херред в Дании, хундрад в Швеции, буквально «сотней») управляло собрание землевладельцев, линг или тинг, которое собиралось не реже раза в неделю, и каждая провинция, группа из нескольких административных единиц или остров подчинялись более крупному собранию, ландслингу, которое собиралось примерно дважды в год.

На таких собраниях короли объявляли войны, проводили политические советы. Местные собрания обязаны были выслушивать представителей короля и идти за ним на войну или выполнять те или иные повинности в мирное время. В любом случае лингом обычно руководила местная знать, «уважаемые люди». От таких собраний зависела стабильность общества. Они разрешали споры родственников, совместно подавляли и устрашали несвободных членов общества, преследовали изгоев, следили за тем, чтобы торговля велась честно, определяли границы, отражали нападения захватчиков. После смерти очередного короля линги поддерживали или отвергали тех членов королевских семей, которые объявлялись преемниками, – пусть

даже иногда это означало лишь формальность или предварение вердикта о битве. В начале XII века вольные люди и феодалы еще управляли Данией и Швецией без особого вмешательства сверху. С королями, которые ссорились с ландслингами, обходились неласково. В 1131 году сына и наследника короля Дании Николая обвинили в убийстве и публично опозорили на тинге в Рингстеде. Чтобы избежать кровопролития, королю пришлось сослать его в Швецию. В 1153 году Свена III в Сконском ландслинге встретили презрительными выкриками, шипением и камнями. В Швеции было суровее: если король хотел посетить собрание гётов, его вначале должны были официально принять в члены собрания. В 1120-х годах, когда король Рагнвальд без спросу прискакал на тинг в Карлебю, его ждала «позорная смерть». Однако времена менялись, короли становились сильнее.

Они были гораздо богаче других землевладельцев. В обеих странах они приобретали все больше земель и прав на оговоренные количества продуктов, напитков, серебра и транспортных средств в каждом округе. Они могли передвигаться из одного места в другое верхом или на судне, в сопровождении вооруженной свиты. Они «объедали свои королевства» и устраивали пышные празднества в своих огромных дворцах, занимая знатных гостей; в результате некоторой формы «общественного контроля» их, как и славянских князей, часто обвиняли в обжорстве и пьянстве. Вдобавок король Дании имел власть и над городами. Он получил право чеканить монеты, брал налог с городских домовладельцев, взимал «деньги за защиту» у гильдий и иностранцев. Кроме того, он имел право взимать штрафы с некоторых видов нарушителей, право присваивать добычу с кораблей, потерпевших крушение у берегов королевства, а также право на различные природные богатства. Королю переходило имущество людей, которые умирали, не оставив наследников. Все это умножало богатство, и положение короля укреплялось еще больше благодаря подтвержденному праву распоряжаться двумя общенациональными системами, которым все люди обязаны были подчиняться: военным призывом и церковью. Церковь утверждалась в Скандинавии долго (примерно с 815 до 1020 г.), но к 70-м годам XI века семь епископов исполняли свои обязанности под защитой датского короля. В число их обязанностей входило присутствие на местных собраниях, помощь в местной самообороне, а также помощь правителю советами, гостеприимством, письмом и молитвами. До ПОЗ года они признавали своим духовным властителем архиепископа Гамбургского и Бременского, хотя своим положением были обязаны королю, после 1103 года высшим иерархом скандинавских церквей стал епископ Лунда. Король Дании, подобно императору Священной Римской империи, имел собственную государственную церковь, Reichskirche.

Постепенно Дания все больше походила на другие королевства христианского мира. Сходство стало более выраженным при Николае (1104—1134) и Вальдемаре I (1157—1182). Первые привилегии и каменные церкви появились в 1070-х годах, вскоре построили и первый монастырь. Папа Григорий VII в письмах к северным королям обращался к ним как к членам христианского сообщества, а папа Пасхалий II признал убитого Кнуда IV (ум. 1086) мучеником за католическую веру. Брат святого Кнуда, Эрик I, отправился в паломничество в Византию. Представители высшей знати следовали примеру королей, богато одаряя церкви; иногда они становились епископами, и больше не было необходимости приглашать священников из Саксонии или Англии. В X веке короли от имени своих подданных начали называться «христианскими», позже эта «прививка» прижилась.

Хотя у шведов процесс усвоения западных образцов занял больше времени – примерно на полвека, – он шел в том же направлении. Последний откровенно языческий король умер в конце XI века, и до тех пор гробница старого бога Фрея в Уппсале оставалась открытой; говорили, что отсталых «лесовиков» Смоланда христианство не затронуло и в 1120-х годах, а в других отдаленных районах отдельные очаги сопротивления сохранялись еще дольше. Однако около 1120 года папский писец уже называл семь из девяти главных округов Швеции «епархиями», а в 1164 году королевство получило собственного архиепископа, хотя формально он

и подчинялся Лунду. Укрепление королевской власти также заняло больше времени – отчасти в результате слабости церкви, отчасти из-за соперничества между конкурирующими династиями в 1156—1250 годах, но в первую очередь из-за продолжающегося разделения между шведами и гётами. Из-за более редких поселений, худших путей сообщения, более холодных зим и густых лесов контролировать территорию было труднее. И все же главные признаки были налицо.

Христианство не умиротворило указанные народы. Ими по-прежнему управляли воины, приученные убивать и умирать, независимо от того, жили они как принцы, богатые помещики или солдаты; а между классами воинов и остальными стоял барьер рождения, воспитания и взглядов, подкрепленный героической традицией и законом. «По закону земля строится», как гласит старая пословица, но землевладельцы сами сочиняли законы, запоминали и трактовали их, что иностранцы зачастую считали бесчеловечным и нехристианским. В 1080-х годах, попытавшись смягчить законы, Кнуд IV столкнулся с ожесточенной враждебностью, и лишь во второй половине XII века законы удалось записать и до какой-то степени гуманизировать. Проблема заключалась не только в узаконенном угнетении. Даже богатч, совершив тяжкое преступление, оказывался вне закона, как случилось в 1131 году с сыном короля Николая. Насильственные преступления и междоусобицы находились в ведении короля, который получал свою долю, по крайней мере, процедуры, по которым велись дела о междоусобицах, возвращении украденного и о наследстве, оставались в границах, установленных традицией. До 30-х годов XII века не существовало обнесенных стенами городов, частных крепостей или расширенных личных полномочий, по которым больше прав получали те, кто был сильнее. Однако система в целом опиралась на тот принцип, что судебный процесс есть способ избавить богатого от жалоб, поэтому богатые становились еще богаче. Скандинавы приняли Христа, не отказавшись от ценностей своих предков. Они демонстрировали это разными способами. Например, упорствовали в сохранении старых имен; у датчан имена Свен, Эрик, Харальд, Оки, Токи, Бови встречались гораздо чаще, чем Нильс, Петер или Кристофер. Они слушали старинные саги и платили исландским скальдам за их исполнение. Они продолжали практиковать полигамию, но главное – демонстрировали безжалостность в мести. В 1131—1135 годах из-за кровной мести погибли многие представители датской королевской семьи. В одном случае, как сообщается, король Эрик Незабвенный приказал убить и сжечь восьмерых собственных детей, племянников и племянниц, чтобы закончить ссору с братом, которого он убил еще раньше; в сражении с этим Эриком погибли шесть епископов, после чего он отдал их земли каноникам Лунда и монахам Рингстеда. Про него говорили, что он правил «по милости божественного милосердия», а историк Саксон Грамматик в конце века называл его человеком «благочестивым». Люди, подобные Эрику, высоко ценили успех, его даровал Христос, а после смерти он же принимал душу, запятнанную кровью. Взамен требовалось принять крещение, проявлять терпимость по отношению к священникам, каяться в грехах, быть похороненным в освященной земле, а больше почти ничего.

Землевладельцы и воины-наемники, жившие по таким правилам, вселяли такой же ужас в заморских соседей, как и их предки-викинги. Однако к началу XII века привычный шаблон их заморских походов изменился. На востоке воинов, подобных им, охотно брали на службу русские князья и византийские императоры, и военные отряды по-прежнему следовали той дорогой; однако возможностей для расширения власти и приобретения земли оставалось все меньше. В 1050—1400 годах ничего не слышно о шведских королях, которые возглавляли бы походы на Финляндию; на Руси все строже охраняли торговые пути и данников, поставлявших меха. Шведам, которые надеялись нажить состояние, приходилось либо заниматься торговлей и становиться купцами, либо наниматься в варяжские дружины вместе с датчанами, норвежцами, исландцами и англичанами. Деньги у них по-прежнему водились, но конкуренция стала жестче.

На Западе постепенно исчезали манящие перспективы, которые в свое время, в 800—1075 годах, вынуждали многих датчан выходить в море. В 1069, 1075 и 1086 годах Свен II и Кнуд IV делали серьезные попытки начать отвоевание Англии, но каждая новая попытка сопровождалась все меньшим успехом, последний отряд так и не отплыл. Мятежные экипажи разбегались без позволения и вместо того, чтобы платить штраф за неисполнение долга, восставали, изгоняли своего короля или убивали его. Как выразился один английский хронист, «даны, которых когда-то считали самыми верными из всех народов, стали повинными в самом неверном и предательском поведении, какое только можно себе представить». Возможно, для такого поведения у них имелось множество причин, но достаточно будет назвать три.

Во-первых, гребцы знали, что часто могут получить столько же, оставаясь дома, сколько и отправляясь в опасный поход на хорошо охраняемый остров. Большие семьи успевали обрасти землей и накопить много денег на родине; никто не хотел отправляться на поиски приключений. Тем, кто имел право выступать в тинге, управлять крестьянами или нанять торговое судно, не нужно было плыть в Англию в поисках прибыли, а голодные бойцы могли найти достаточно кораблей, которые пиратствовали в «домашних» водах. Даже флотилии, которые добирались до Англии в 1069 и 1075 годах, вели себя так, словно отправились быстро пограбить и без помех вернуться домой, а не заниматься территориальными завоеваниями, как в прошлом.

Во-вторых, датские короли уже не были достаточно богатыми для того, чтобы вести действенную войну на Западе. Свен I Вилобородый и Старый Кнуд содержали большую армию наемников, но, лишившись Англии, преемники Кнуда потеряли главный источник дохода и могли содержать лишь небольшую дружину опытных бойцов. В 1052 году Свен II просил Эдуарда Исповедника о займе в виде экипажей для 50 кораблей, но получил отказ. В 1086 году, когда его сына Кнуда IV убили в Оденсе, короля окружали лишь двадцать воинов. Большой флот, покинувший его, состоял в основном из дилетантов, несмотря на личную храбрость, они не готовились к осадной войне, да и для отражения конной атаки им не хватало навыков. Другие короли оказались мудрее; его брата Гарольда прозвали Мягким, а его норвежского «коллегу» Олафа – Тихим.

В-третьих, и на родине имелись более насущные проблемы: побережья и границы Дании регулярно подвергались набегам и грабежам со стороны прибалтийских славян. Датчане совершенствовались в обороне.

Из трех оставшихся групп жителей Севера ближе всего к скандинавам были славяне, особенно западные славяне, которые расселились на прибрежных и материковых землях от Кильской бухты до Вислы, в том числе на островах Фемарн, Пёль, Рюген, Узедом и Воллин. Славяне делились на ряд народов. От границ с Саксонией и Данией до Траве жили вагры, или вагиры, а от Траве до Варнова – ободриты, или бодричи; вагры и ободриты были родственными народами, связанными также с полабскими славянами, жившими на Эльбе, под властью одной господствующей династии. От Варнова до Рюгена, вокруг устья Одера и вверх по течению Пене жили представители другого племенного союза, которые не смешивались с соседями, их называли лютичами, или вильцами (велетами), то есть «лютыми» или «волчьими» людьми. Севернее, на Рюгене и побережье напротив острова, жили руги, или рани. Языки, на которых говорили ободриты и лютичи, отличались от языков их соседей-сорбов и лужичан, живших южнее. Они относятся к западнолехитским языкам; к восточнолехитским относятся польский и язык народа, который населял оставшуюся часть западнославянского побережья от Одера на восток до Вислы, – померанцев, или поморских славян, которые позже стали известны в Данциге под названиями померельцы, или кашубы (так их называли благодаря их широким складчатым меховым шубам).

Балтийские славяне позже других проникли на север. Они попали туда с юго-востока и заняли районы, которые мигрировавшие германцы в разное время с I по VI век оставляли пустыми. К VIII столетию они утвердили границы, хотя позже борьба за власть в пределах каж-

дого народа вызвала некоторые изменения. Адам Бременский признавал, что балтийские славяне родственны богемцам и полякам, и поэтому их можно включить в состав населения большой области Центральной и Восточной Европы, которую он называл Славией. Латиноязычные писатели называли балтийских славян славянами, но отличали их от поляков, жителей Руси и чехов, которых мы также называем славянами. Скандинавы и германцы называли балтийских славян вендами и венедами. В тот период они в некоторых отношениях отличались от всех своих соседей, но, что необходимо подчеркнуть, имели с ними и много общего.

В основном венеда, как и скандинавы, занимались сельским хозяйством, они были земледельцами и скотоводами, жили в небольших деревнях и выращивали зерно, лен, разводили домашнюю птицу и скот, побочно рыбачили, занимались бортничеством и охотой с капканами. Крестьяне получали наделы пахотной земли, за которые платили подати зерном, а также отдавали оброк другими видами работ. В самых ранних грамотах крестьян называют невольниками или крепостными, то есть прикрепленными к наделам, которые они обрабатывали. Кроме того, им приходилось принимать участие в общих выплатах всей деревни. По ряду свидетельств, невольники часто были пленниками или купленными рабами, причем рабство было наследственным.

Как и в Скандинавии, сельскохозяйственные излишки доставались землевладельцам – местным магнатам, жившим в лесных крепостях со своими слугами, либо сообществам воинов и горожан, которые обитали в городах. Славянское общество было в высшей степени милитаризованным. В IX–X веках славяне постоянно находились, так сказать, между молотом викингов и наковальней Священной Римской империи. На протяжении долгих периодов ободриты и вагры обязаны были платить дань датским королям, германским епископам и приграничным вождям. Возникший правящий класс, научившись у врагов, держался за свои территории и крестьян. Правители эксплуатировали народ, чтобы содержать сильные армии, флотилии и укрепления. Более обширные населенные области подразделялись на маленькие территории, организованные вокруг одной или нескольких крепостей, окруженных земляными валами, частоколами и рвами с водой. Такими территориями обычно управляли воеводы, подчинявшиеся правителю. Воевода требовал от воинов несения службы и взимал налоги с крестьян, он принимал у себя правителя, когда тот приезжал – ненадолго, чтобы устроить пир, провести общее собрание или чтобы показать силу и устрашить непокорных наказаниями. Правитель назывался князем; как и в Скандинавии, он выступал вождем своего народа в целом и предводителем большой семьи княжеских родичей, причем все они обладали какими-то правами на землю и привилегии; вместе с тем власть князя была ограниченной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.